

- ⁸² Глумная М.Н. К характеристике колхозного социума 1930-х гг. (на материалах колхозов Европейского Севера России) // XX век и сельская Россия. Токио, 2005. С. 271, 283.
- ⁸³ Труд в СССР. Стат. сборник. М., 1988. С. 143.
- ⁸⁴ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. С. 484–485.
- ⁸⁵ Там же. Т. 4. М., 1968. С. 454.
- ⁸⁶ Безнин М.А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950–1965 гг. С. 191; РСФСР за 50 лет. Стат. сборник. М., 1967. С. 144.
- ⁸⁷ Труд в СССР. С. 143; Гулин К.А. Материальное положение колхозного крестьянства на Европейском Севере России в 1965–1985 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Вологда, 1999. С. 52.
- ⁸⁸ Постановление СМ СССР, ЦК КПСС от 6 марта 1951 г. «О заработной плате работников совхозов и конных заводов системы Министерства совхозов СССР» // http://www.spbpravo.ru/docs_sscr.php?id=6943; Оплата труда в совхозах и колхозах. М., 1968. С. 8.
- ⁸⁹ Организация социалистических сельскохозяйственных предприятий. М., 1963. С. 235–236; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 10. М., 1972. С. 235–241.
- ⁹⁰ Овечкин В. Районные будни. С. 397.
- ⁹¹ Наухацкий В.В. Указ. соч. С. 34–37.
- ⁹² Теневая экономика. М., 1991. С. 16.
- ⁹³ Маслов Е. Дневник председателя колхоза // Подъем. 2005. № 7.
- ⁹⁴ Дорогой ценой... С. 315.
- ⁹⁵ Салуцкий А.С. Слабые и сильные... С. 30.
- ⁹⁶ Там же. С. 66.
- ⁹⁷ Абрамов Ф. Пути-перепутья // Абрамов Ф. Братья и сестры. М., 1982. С. 487.
- ⁹⁸ Маслов Е. Указ. соч.
- ⁹⁹ Кузнецов Ю.В. Сельская «элита»: председательский корпус орловских колхозов в период аграрных реформ Н.С. Хрущева // Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок. Орел, 2006. С. 497.
- ¹⁰⁰ Абрамов Ф. Вокруг да около. С. 356–359.
- ¹⁰¹ Кузнецов Ю.В. Указ. соч. С. 497.
- ¹⁰² Маслов Е. Указ. соч.
- ¹⁰³ Кузнецов Ю.В. Указ. соч. С. 498.
- ¹⁰⁴ Дорогой ценой... С. 141.
- ¹⁰⁵ Тендряков В. Кончина // Тендряков В. Собр. соч. Т. 4. С. 62.

© 2010 г. Е.В. ВОЕЙКОВ*

«ТОРФЯНЫЕ ПЯТИЛЕТКИ» В ПОВОЛЖЬЕ – ЗАБЫТАЯ СТРАНИЦА ИСТОРИИ 1930-х годов

Современным жителям России, «избалованным» за последние десятилетия дешевым нефтегазовым топливом, трудно себе представить, что в период первых пятилеток на торфе в Советском Союзе работали десятки электростанций и сотни промышленных предприятий. Применительно к периоду 1930-х гг. можно говорить об уникальном экономическом эксперименте в СССР по крупномасштабному внедрению в экономику местных видов топлива: дров, торфа, горючих сланцев. Ввод в строй тысяч новых предприятий, необходимость обеспечения боевой техникой и появление в стране сотен тысяч автомобилей вело к резкому увеличению потребления топлива. Однако добыча угля и нефти росла слишком медленными темпами. Вторая нефтяная база страны в Урало-Поволжье («Второе Баку») вплоть до войны не могла выйти на промышленные объемы добычи. Во второй половине 1930-х гг. советскими заводами были выпущены

* Воейков Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, доцент Всероссийского заочного финансово-экономического института (филиал в Пензе).

газогенераторные автомобили, использовавшие вместо бензина дубовые и березовые дрова. Проводились эксперименты по переводу газогенераторных машин на торфяные брикеты и опыты по получению бензина из торфа¹. В условиях ускоренной индустриализации ради экономии дефицитного минерального топлива, используемого на наиболее важных предприятиях союзного значения в военной промышленности, армии, тысячи мелких и средних заводов и фабрик текстильной, пищевой, бумажной, строительной, химической промышленности, а также население городов всей страны были лишены угля и мазута и переведены на местные виды топлива. В какой-то степени ситуация в СССР начала 1930-х гг. напоминала обстановку Гражданской войны: вся страна покрылась сетью лесозаготовок и торфоразработок.

На первом месте среди всех местных видов топлива, естественно оказались дрова, не требовавшие для своей заготовки сложного оборудования и подготовительных мероприятий. В 1937 г. доля дров в топливном балансе страны составляла 28.5% (угля – 46.6%, нефти – 17.3%)². Но лесные тресты страны и самозаготовительные организации хронически не выполняли плановые задания. В этих условиях многие промышленные предприятия снятые со снабжения углем и мазутом приступили к разработке торфяных месторождений.

Заготовки торфа в СССР развернулись в невиданных ранее масштабах. В дореволюционной России максимум торфодобычи был достигнут накануне Первой мировой войны (1913 г. – 1.68 млн т). В 1916–1918 гг. объемы его производства сократились. Некоторый их рост наметился в 1919–1920 гг., но довоенный уровень удалось превзойти только в 1921 г. (около 2 млн т). В период нэпа постепенное увеличение торфодобычи продолжалось: с 2.86 млн т в 1924 г. до 4.91 млн в 1927 г. Резкий скачок этого показателя имел место в 1931 г. (10.85 млн т). В середине 1930-х гг. он составил 20 млн т, в 1937 г. – 25 млн т, в 1940 г. – 33.2 млн т³.

Доля торфа в топливном балансе страны выросла с 1.4% в 1913 г. до 4.8% в 1935 г. и 6% в 1940 г. На торфе работали такие мощные электростанции как Шатурская и им. Классона в Московской обл., «Красный Октябрь» в Ленинградской обл., Горьковская в Балахне, Ивановская, Брянская. 25% всей вырабатываемой в СССР электроэнергии производилось при сжигании торфа. Этот вид топлива использовали и крупные машиностроительные заводы: Уральские машиностроительный и вагоностроительный, Горьковский автомобильный, предприятия оборонной промышленности, сотни средних и мелких предприятий текстильной, пищевой, бумажной, стекольной, кирпичной отраслей промышленности. Уже к концу второй пятилетки торф заменил по стране около 10 млн дальнепривозного угля, что, кроме прочего, значительно сократило объем перевозок топлива по железной дороге. В некоторых регионах удельный вес торфа в 1935 г. превышал средний показатель по стране: в Белорусской ССР он достиг 39.9%, в Ивановской обл. – 34.5, в Московской – 19.2, в Горьковской – 17.6, в Ленинградской обл. – 12.6%⁴.

В силу громадности территории СССР исследовать развитие торфяной промышленности на материалах всей страны – задача нереальная для рамок одной статьи.

В данной работе эта проблема рассматривается в рамках территории Среднего Поволжья: современных Пензенской, Самарской, Ульяновской областей и республики Мордовия.

Пензенская, Самарская и Ульяновская губернии вошли с осени 1928 г. в состав Средневожской обл., реорганизованной в конце 1929 г. в Средневожский край (далее – СВК), переименованный в 1935 г. в Куйбышевский край, а в конце 1936 г. в Куйбышевскую обл. Мордовия в декабре 1934 г. из автономной области в составе СВК была преобразована в Мордовскую АССР. При этом в нее вошла северная часть бывшей Пензенской губ. (Инсарский, Краснослободский, Рузаевский и Саранский уезды). Территория современной Пензенской обл. окончательно оформилась в начале 1939 г. путем выделения части районов из Куйбышевской, Тамбовской и Саратовской областей. Современные Самарская и Ульяновская области до 1943 г. входили в состав Куйбышевской обл.

Рост добычи торфяного топлива в Среднем Поволжье соответствовал общесоюзной тенденции. Так, если в конце 1920-х гг. на территории будущего Средневолжского края его добывалось ежегодно около 110–120 тыс. т, то уже к концу первой пятилетки, в 1931 г. – 170 тыс. т, в 1932 г. – 365 тыс. т. Максимум торфодобычи в СВК был достигнут во второй пятилетке: в 1934 г. – 540 тыс. т, в 1935 г. – 568.4 тыс. т. В годы третьей пятилетки, в связи с уменьшением территории Куйбышевской обл. за счет выделения из ее состава Мордовской АССР и Пензенской обл. размеры торфодобычи составили 384 тыс. т в 1938 г. и 429.4 тыс. т в 1939 г.⁵ Мордовия постепенно наращивала объемы торфодобычи: в 1938 г. – 117 тыс. т, в 1939 г. – 123.5 тыс., в 1940 г. – 133.9 тыс. т. Пензенская обл. превзошла Мордовскую АССР по объему торфодобычи и приблизилась к показателям Куйбышевской обл. в 1939 г. – 326.9 тыс. т, в 1940 – 305.3 тыс. т⁶.

Добыча торфа в Среднем Поволжье в 1935 г. составила 3.3% от общесоюзной. Куйбышевский край уступал по размерам заготовок торфа таким территориям как Ивановская обл. (2.74 млн, т за 1935 г. – 14.8% общесоюзной добычи), Горьковский край (соответственно 1.68 млн т – 9.1%). Но в то же время полумиллионный объем торфодобычи Куйбышевского края был сопоставим со Свердловской обл. (706 тыс. т – 3.8%), превышал показатели Воронежской обл. (392.2 тыс. т – 2.1%), Курской обл. (323 тыс. тонн – 1.7%) и оставлял далеко позади Челябинскую обл. (92 тыс. т – 0.5%), Кировский край (37.2 тыс. т – 0.2%), Саратовский край (32.3 тыс. т – 0.2%)⁷.

Следует отметить, что доля торфа в топливном балансе СВК в 1931 г. равнялась только 1.9%. Но уже в 1935 г. этот показатель вышел на уровень 15.6%, что намного превышало среднюю добычу по стране (4.8%) и было сопоставимо с Горьковской (17.6%) и Ленинградской областями (12.6%).

Основными видами топлива для Куйбышевского края в середине 1930-х гг. оставались дрова (34% топливного баланса) и нефть (29%). Но процент производства торфяного топлива почти сравнялся с углем (19%), что можно считать серьезным достижением данной территории в реализации политики центра по максимальному использованию местных видов топлива⁸.

В торфяной промышленности Куйбышевской обл. в 1940 г. число рабочих и служащих, занятых добычей торфа, приближалось к 5 тыс. человек⁹. В Мордовии работали 746 человек¹⁰, в Пензенской обл. среднесписочное число рабочих-торфяников превышало 1.7 тыс.¹¹ Всего в регионе Среднего Поволжья летом 1940 г. в этой отрасли трудились около 8 тыс. человек¹², что было сопоставимо с численностью рабочих наиболее развитых в регионе отраслей пищевой промышленности¹³.

Самые крупные и важные торфоразработчики страны в 1929 г. были объединены в ведомстве Союзторфа (в 1933 г. преобразован в Главторф)¹⁴, на долю которого в 1935 г. пришлось 60% общесоюзной добычи. Тресты Главторфа обеспечивали топливом прежде всего крупные электростанции страны, машиностроительные заводы. Остальная добыча находилась в ведении наркоматов легкой, пищевой и тяжелой промышленности¹⁵. В Среднем Поволжье подразделений системы Главторфа создано не было, что обусловило децентрализацию торфяной промышленности региона. Наиболее крупными заготовителями по СВК, затем Куйбышевскому краю (области) являлись Барышское¹⁶ райторфуправление (далее – РТУ), заготавливающее топливо для нескольких суконных фабрик и других промышленных предприятий (31% промышленной торфодобычи области в 1939 г.), Ульяновское РТУ (19.6% добычи области в 1939 г.), Куйбышевский спиротрест (30% заготовки по области в 1939 г.). В значительных масштабах работы велись также на Репьевских торфоразработках в районе Ульяновска¹⁷. В Мордовской АССР основным заготовителем в середине 1930-х гг. стало областное торфоуправление. На территории Пензенской обл. наибольшим объемом торфодобычи отличались Пензенский спиротрест, Красно-Октябрьское РТУ, бумажная фабрика «Маяк Революции».

Торфяной сезон в Среднем Поволжье обычно начинался в апреле–мае и заканчивался в сентябре–октябре. Основным контингентом лиц, занятых на торфоразработках

Среднего Поволжья, были сезонные рабочие, пришедшие на заработки из ближайших деревень, реже – из более отдаленных районов.

Первые пятилетки стали временем внедрения в стране новой техники. Особенностью региона Среднего Поволжья в 1930-е гг. являлся более низкий по сравнению с общесоюзным уровень механизации торфоразработок. Так, если в 1935 г. по стране доля торфа машинной добычи составляла 87.5%, ручной – 12.5%, то в Куйбышевском крае на долю машинной торфодобычи, позволявшей получать более высококачественное топливо в 1935 г. приходилось всего 20%¹⁸. К концу рассматриваемого периода доля машинной торфодобычи в общем объеме региона выросла. В Куйбышевской обл. в 1939 г. она достигла 23.3%¹⁹. В 1940 г. в Пензенской обл. на торфоразработках насчитывалось 10 машин (доля машинной добычи в общем объеме этого года составила 23.6%); Мордовская АССР располагала 11-ю торфяными машинами (52% машинной добычи в общем объеме этого года)²⁰. Отрицательным моментом следует признать отсутствие в Пензенской обл. и Мордовской АССР оборудования для добычи гидроторфа, который из всех способов механической добычи давал наибольшую производительность и широко применялся на торфоразработках Главторфа (49% общего объема добычи в 1937 г.)²¹.

Использование машинной техники в годы первых пятилеток при низком уровне жизни и плохой технической подготовке рабочих характеризовалось бесхозяйственным отношением работающих к оборудованию. Техника регулярно ломалась из-за нарушения правил эксплуатации, хранения ее под открытым небом. Вместе с тем, массовым явлением была починка изломанных механизмов, приведение их в работоспособное состояние и ударная работа с перевыполнением норм на изношенных машинах.

В докладах, годовых отчетах и производственной переписке руководства неоднократно отмечалась изношенность существующих механизмов, усугублявшаяся недостатком запчастей. Так в Красно-Октябрьском РТУ, по данным отчета 1939 г., срок промышленной эксплуатации двух из пяти имеющихся торфяных машин составлял 20 и 40 лет (остальных трех – 15 и 12 лет). На остальных участках, благодаря творчеству и инициативе техников и ИТР, при недостатке запчастей удавалось осуществлять ремонт безнадежно устаревших агрегатов и даже конструировать из них новые механизмы. В приказе по Ширингушской суконной фабрике от 27 августа 1931 г. была объявлена благодарность в приказе механику Г.Г. Фетисову с поощрением в виде премирования в размере 50 руб. за проявленную «находчивость» при ремонте торфяной элеваторной машины, выразившуюся в замене одних частей другими. В Красно-Октябрьском РТУ в сезоне 1940 г. неработающая элеваторная установка по инициативе главного механика была успешно переделана в другой тип машины²².

Труд на торфяных болотах в тяжелых погодных условиях района Средней Волги редко становился легче с внедрением механизмов. Рабочие не имели спецодежды, получали низкую зарплату, плохо питались, отсутствовали нормальные жилищные условия, налаженное медобслуживание, организованный культурный досуг.

Одним из важнейших факторов, влиявших на развертывание торфодобычи, был продовольственный вопрос. Дефицит многих видов продуктов в свободной продаже привел в 1930-е гг. к появлению продовольственных пайков, являвшихся, по сути, составной частью зарплаты. Продукты, как правило, продавались ежедневно или в определенные дни в специальных торговых точках, прикрепленных к данному предприятию. В состав натуральных пайков входили хлеб или мука, мясо, рыба, масло, крупа, сахар²³. Но снабжение шло с перебоями²⁴. По подсчетам автора, на начало развертывания широкомасштабных торфоразработок по СВК в 1931 г. из 29-ти торфодобывающих организаций постоянные перебои с поступлением продовольствия наблюдались на 10-ти²⁵. В 1940 г. из 12-ти торфодобывающих организаций Куйбышевской обл. они были на участках пяти заготовителей. Следует заметить, что в большинстве случаев не хватало только хлеба, в то время как в начале 1930-х гг. рабочие-торфяники месяцами не могли дожидаться самых разных продуктов. Хуже всего ситуация сложилась в Куйбышевском спиртротресте, руководители которого в докладной записке облизполкому

20 июня 1940 г. сообщили, что на торфоразработках, обслуживаемых 2 284 работниками «в продовольствии все время ощущаются перебои, нет картофеля, капусты, особенно часто отсутствует хлеб», «крупы совсем нет», «фонды рыбы и масла до сих пор получены не полностью»²⁶.

Рабочие-торфяники обычно трудились вдали от постоянного места жительства, поэтому организация общественного питания являлась для них жизненно необходимой. Однако в Средневолжском крае, как и во всей стране²⁷, в этой сфере имелись серьезные проблемы. На Репьевских торфоразработках СВК в 1933 г. в обеденный перерыв иногда люди более часа дожидались своей очереди пообедать. Из-за недостатка посуды, обедающие ели из немытых тарелок. В 1934 г. местная газета «Пролетарский путь» сообщала, что в этой столовой было тесно, неудобно, жарко. «Обедающие, как говорится, сидят друг на друге. Один пожилой рабочий отодвигает, от себя блюдо, в котором плещутся недоеденные зеленые щи: “Редко по-людски приготовят, все какая-нибудь бурда”»²⁸. Аналогичные явления наблюдались и в столовой Пермских разработок (Мордовия). В 1933 г. здесь имел место случай, когда в супе во время приготовления обеда была сварена крыса. В 1938 г., по описанию очевидца положение дел в этой столовой не улучшилось: «Рабочие первые блюда выливают... нет графинов, кружек, стаканов, мисок, тарелок... Завхоз и он же завстоловой Машков пьянствует, и директор никаких мер не принимает»²⁹.

Во многом состояние общественного питания зависело от инициативы и предприимчивости руководителя конкретного участка работ. Например, в 1932 г. администрация торфоразработок Пензенского дрожжевого завода заготовила необходимые продукты внеплановым путем и сумела организовать трехразовое горячее питание рабочих. На одном из участков Красно-Октябрьского РТУ в сезоне 1935 г. заведующий столовой в качестве эксперимента начал добавлять в пищу различные приправы. Обеды стали вкуснее, и количество рабочих, пользующихся столовой, увеличилось с 14 до 40 человек. На Мелекесском льнокомбинате в 1940 г. была хорошо налажена работа в столовой вследствие заблаговременной заготовки продуктов³⁰.

Жилищные проблемы на торфозаготовках страны и СВК носили перманентный характер. По подсчетам автора в 1931 г. жилые помещения для рабочих отсутствовали в 8-и торфодобывающих организациях из существующих 29-ти³¹. В сезоне 1940 г. из 12-ти торфозаготовителей Куйбышевской обл. недостаток барakov для рабочих испытывали четыре организации³². Отсутствие жилых построек часто компенсировалось размещением рабочих в домах местных жителей ближайших населенных пунктов. Но полностью проблему это не решило.

На участках, функционирующих в течение ряда лет, актуальными были вопросы чистоты в бараках, внутреннего благоустройства, постельного белья. В Мордовии, Куйбышевской и Пензенской областях в бараках торфодобытчиков царили теснота, грязь. Оконные рамы продувались ветром, крыши протекали, уборные были тесными и грязными, отсутствовали сушилки для промокшей одежды, не хватало мебели и постельных принадлежностей. Непременными спутниками жилья той эпохи были тараканы и клопы³³.

В 1930-е гг. на торфодобывающих предприятиях руководство организовало культурное обслуживание работающих. Во многих бараках устраивались красные уголки, где имелись игры (шашки, шахматы, бильярд) и музыкальные инструменты (гармонь, балалайка, гитара, мандолина); строились клубы; создавались библиотеки, снабжающиеся технической и художественной литературой, газетами и журналами; организовывались кружки по ликвидации неграмотности. Распространенной формой работы стало чтение газет вслух специально выделенными для этой цели лицами во время обеденных перерывов и вечером после работы. Иногда такие мероприятия проводились формально или сводились к изучению постановлений партийных съездов, конференций и речей И.В. Сталина. На ряде участков местные руководители стали уделять внимание чтению художественной литературы. Так, в 1936 г. на торфоразработках спичечной фабрики «Победа» проводились громкие читки книги М.А. Шо-

лохова «Поднятая целина»; летом 1939 г. на Репьевских торфоразработках читались «Капитанская дочка» А.С. Пушкина, «Челкаш» А.М. Горького³⁴.

К этим формам просвещения добавилась организация киносеансов. На Вителевских торфоразработках Барышского РТУ летом 1936 г. были показаны фильмы «Дипкурьер», «Путевка в жизнь», «Процесс о трех миллионах». Как было подчеркнуто на заседании профкома, успех этой формы культурного досуга был «блестящим». В сезоне 1939 г. здесь был проведен 31 сеанс звукового кино³⁵. На этом же участке проводились регулярные шахматно-шашечные турниры, активно работал драмкружок, число постоянных читателей в библиотеке достигло 46 человек. На торфоразработках спичечной фабрики «Победа» организовали драмкружок, создали три волейбольные команды, провели шашечный турнир. В обеденный перерыв проводились тематические беседы (по правилам гигиены и технике безопасности)³⁶. Однако не везде культурный досуг был хорошо организован. На Гимовском участке Ульяновского РТУ в 1938 г. в помещение красного уголка заселили рабочих, библиотека не работала. Из развлечений оставалось только прослушивание граммофонных записей, но пластинки патефона были изношены до такой степени, что, по выражению очевидца, «уже не играли, а хрипели». На Пермиских торфоразработках в 1938 г. газеты для 150 рабочих-торфяников выписаны не были, какая-либо культурная деятельность отсутствовала, в результате главным развлечением стала «сплошная пьянка»³⁷.

Годы первых пятилеток стали временем массового трудового энтузиазма, одним из проявлений которого стало распространение с 1934 г. стахановского движения. Звания стахановца заслуживал только выполнивший норму более чем на 150%. На участках Главторфа ежегодно в числе перевыполняющих нормы фигурировали бригады Н.А. Зезюлина и М.А. Войкина (Шатурский трест), С.А. Канарейкина (Орехово-Зуевский), Н.Т. Мокрова и В.К. Большакова (торфопредприятие им. Классона), обычный процент выполнения ими плана добычи торфа составлял 150–200%. Николай Зезюлин стал первым стахановцем в торфяной промышленности и был награжден орденом Трудового Красного Знамени. В 1935 г. бригада Киселева И.А. (Ивановский трест) выполнила план на 228%, в 1936 г. бригада Неверова И.Е. (Шатурский трест) впервые поставила рекорд на элеваторной добыче, выработав 270% нормы³⁸.

Стахановцы и ударники Среднего Поволжья обычно демонстрировали не такие высокие показатели, как в подразделениях Главторфа³⁹, но движение за перевыполнение норм в регионе на ряде предприятий носило массовый характер. В 1935 г. из 320 рабочих-торфяников на участках Барышского РТУ ударников насчитывалось 138 (43%), в 1940 г. из 1 263 рабочих – 419 человек (33.2%). В Красно-Октябрьском РТУ из 1 166 рабочих ударниками и стахановцами были 664 человека (57%). Особенно отличались здесь две женские бригады на сушке и уборке торфа (Куртаевой О.А. – 210%, Игонькиной Н.И. – 197.6%)⁴⁰. Руководство в центре и на местах всячески стимулировало стахановское движение, увидев в нем возможность обеспечить выполнение завышенных заданий не путем создания нормальных бытовых и производственных условий (на что средств хронически не хватало), а за счет отдельных высококвалифицированных рабочих. В Среднем Поволжье рабочим-торфяникам, перевыполнявшим нормы, регулярно давали денежные премии, в первую очередь предоставлялись квартиры или комнаты в общежитиях, выделялись бесплатные путевки в дома отдыха и санатории, в столовых предоставлялось улучшенное питание, вручались почетные грамоты и значки отличника производства⁴¹. Но массовым движение стахановцев не стало. Регулярно перевыполнять нормы было физически слишком тяжело.

Отсутствие нормальных производственных и бытовых условий вело к текучести кадров, поломке инструментов и машин, хищению спецодежды, нежеланию качественно выполнять свою работу, к потерям заготовленного торфа и, как итог всего перечисленного, традиционное (особенно в первой половине 1930-х гг.) невыполнение плановых заданий. Так Главторф даже план 1933 г. выполнил только на 61.8%. При этом по отдельным территориальным подразделениям этот показатель колебался от 96% по Чернораменскому и 90.8% по Уральскому трестам до 56.4% по Ярославскому, 53.9%

по Московско-Калининскому и 33% по Западному трестам⁴². Впервые торфяной промышленности СВК план удалось выполнить на 99.8% только в 1935 г.⁴³ Репьевское месторождение, расположенное в 12 км от Ульяновска, являлось наиболее крупным. Располагая почти миллионным запасом тонн торфа, оно было предназначено для ежегодной добычи 80 тыс. т. По проекту строительства Волжской ГЭС его территория должна была войти в зону затопления, в связи с чем здесь можно было ожидать ударных темпов работ. Но вплоть до начала III-й пятилетки планы хронически не выполнялись, размер ежегодной добычи не превышал 32 тыс. тонн⁴⁴.

Невыполнение плана по добыче торфа усугублялось потерями заготовленного торфа. В акте августовского 1933 г. обследования крайпланом и крайисполкомом Репьевских торфоразработок отмечалось, что «в среднем до топки доходит только 46% торфа, а другая половина теряется по дороге»⁴⁵. В документах 1930-х гг. постоянно встречаются упоминания о том, что поля сушки заняты не вывезенным торфом прошлых лет и негде сушить торф нового сезона⁴⁶. Торф, хранившийся в штабелях в течение ряда лет отсыревал, крошился и терял свои качества, штабеля обрушивались, разваливались. Использование некачественного топлива приводило к его перерасходу и даже остановкам оборудования предприятий⁴⁷.

Но, несмотря на трудности заготовки, вывозки и хранения, торф оставался доступным топливом, соответствующим по своей теплотворной способности березовым дровам; при этом он был обычно дешевле не только угля и мазута, но и древесного топлива. Кроме того, торфяные ресурсы, в отличие от нефти и каменного угля, относятся к числу быстро возобновляемых. Активное внедрение торфяного топлива в Среднем Поволжье позволяло не только экономить нефть и уголь, но и частично сберечь от вырубки исчезающие леса. Один из специалистов торфяного дела еще в середине 1920-х гг. писал: «Для покрытия годового расхода дров нам приходится вырубать... до трех и более годовых лесосек, что явно недопустимо и ведет к полному обезлесению нашей страны. Еще более недопустимым является взгляд на наши нефтяные запасы, как на неистощимые источники топлива... Мы располагаем колоссальными, все возрастающими, запасами торфяного топлива, и в то же время сжигаем под котлами дорогую нефть, уничтожаем свои леса и держим на одном, поразительно ничтожном, уровне свою ежегодную торфодобычу»⁴⁸.

Экономисты и инженеры Среднего Поволжья 1930-х гг., писавшие о торфяном топливе в местных журналах и газетах, предсказывали ему блестящие перспективы. И начавшуюся в 1941 г. войну промышленности Среднего Поволжья могла бы встретить с широко развитой сетью торфоразработок. Но не сбылось. В 1930-е гг. все это осталось в большинстве случаев на уровне проектов и рассуждений. Местные руководители региона не сумели в достаточной степени оценить перспективы торфа как альтернативного топлива. Оказалось, что пробивать в своих главках фонды на дефицитные уголь и мазут и вырубать на дрова редулирующие и исчезающие леса проще и привычнее. Выйти хотя бы на уровень 30–35% добычи торфа в топливном балансе региона и заменить в значительных масштабах дрова и нефть в предвоенные годы ему было не суждено.

В последующие десятилетия объемы заготовок торфяного топлива по стране продолжали возрастать. Некоторое их снижение в годы войны (33.2 млн т в 1940 г., 22.4 млн т в 1945 г.) было компенсировано в период послевоенных пятилеток (36 млн т в 1950 г., 50.8 млн т в 1955 г., 53.6 млн т в 1960 г.). Но доля потребления этого вида энергоресурсов за счет возрастания роли нефти и газа неуклонно снижалась (5% в 1950 г., 4.3% в 1955 г., 3.5% в 1960 г.)⁴⁹. Уровень в 6% торфа в топливном балансе СССР (1940 г.), достигнутый в III-й предвоенной пятилетке, остался своеобразным рекордом. С учетом роли отдельных регионов, где данный показатель был выше, чем в целом по стране (Горьковский и Куйбышевский края, Ивановская и Ленинградская области), можно говорить о предвоенных пятилетках как эпохе торфяного топлива.

На местном уровне во многих регионах в ближайшие десятилетия можно ожидать возврата к массовому использованию в качестве топлива дров и отходов деревообработки, а также внедрению других местных видов топлива, наиболее распространенным

из которых является торф. Отдельные эксперименты уже осуществляются. В частности, в Кировской обл. компания «Вятка-Торф», образованная на базе обанкротившегося в 2002 г. предприятия «Киров-Торф», в 2006 г. начала поставки торфа на местные ТЭЦ-3 и ТЭЦ-4, что должно по проекту увеличить его долю с 7 до 20%. Одновременно «Вяткой-Торф» с 2005 г. оно поставлялось в Шарьинскую ТЭЦ в Костромской обл.⁵⁰

Хочется верить, что Россия все же начнет при разработке перспективных программ развития экономики творчески учитывать свой богатейший национальный исторический опыт и не повторит хотя бы часть уже совершенных в предшествующее столетие ошибок.

Примечания

¹ См., напр.: *Кадач Н.Н.* Газогенераторная машина ГАЗ-42 на торфяном топливе // Торфяная промышленность. 1941. № 3.

² *Пробст А.Е.* Основные проблемы географического размещения топливного хозяйства СССР. М.; Л., 1939. С. 172, 322.

³ *Раевский Д.П.* Торфяная промышленность в цифрах за 20 лет // За торфяную индустрию. 1937. № 10–11. С. 17; История социалистической экономики в СССР. В 7 т. Т. 5. М., 1978. С. 292.

⁴ *Китаевич С., Жданов М., Карелин М.* Новые топливные районы СССР. 1937. С. 158, 160; *Раевский Д.П.* Указ. соч. С. 17; Энергетические ресурсы СССР. Топливо-энергетические ресурсы. М., 1968. С. 569; История социалистической экономики в СССР. Т. 4. М., 1978. С. 176.

⁵ Государственный архив Пензенской области (далее – ГА ПО), ф. 453, оп. 1, д. 689, л. 76–76 об., 559; Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГА СО), ф. 779, оп. 2, д. 248, л. 124; д. 351, л. 353; ф. 3859, оп. 2, д. 471, л. 196; *Козулин Ф.* Средневожские торфяники // Среднее Поволжье. 1931. № 9–10. С. 125.

⁶ Подсчитано по: ГА ПО, ф. 1121, оп. 1, д. 390, л. 30; ф. 2069, оп. 1, д. 5, л. 69 об.; ф. 2394, оп. 1, д. 1083, л. 37; д. 1086, л. 32; д. 1173, л. 57 об.; д. 1563, л. 41, 42, 46; д. 1602, л. 14; д. 1615, л. 38, д. 1618, л. 8; д. 1648, л. 3; д. 1656, л. 21; д. 1660, л. 11; д. 1679, л. 49, 50 об.; д. 1703, л. 88; д. 1707, л. 66 об.; ф. 2503, оп. 1, д. 75, л. 422; Центральный государственный архив республики Мордовия (далее – ЦГА РМ), ф. 662, от 4, д. 60, л. 15 об., 43 об., 74 об.; д. 124, л. 13 об., 41 об., 68 об.; д. 130, л. 50 об., 78 об.; д. 190, л. 12 об., 45 об., 79 об., 108 об.; д. 191, л. 44 об., 53, 104 об.

⁷ *Карелин М.Н.* Добыча торфа в 1935 г. и план на 1936 г. // За торфяную индустрию. 1936. № 6. С. 9. Следует принять во внимание, что края и области СССР в первой половине и середине 1930-х гг. обычно не соответствуют современным субъектам РФ с аналогичными названиями. Так, например, в Горьковский край в первой половине 1930-х гг. входили территории современных Нижегородской и Кировской областей, Чувашской и Марийской республик; затем данное образование разделилось на Горьковский и Кировский края.

⁸ *Пробст А.Е.* Указ. соч. С. 322; Топливный баланс Средневожского края на 1932 г. // Среднее Поволжье. 1931. № 9–10. С. 107.

⁹ Подробнее см.: *Воейков Е.В.* Условия труда и быта рабочих местной топливной промышленности Среднего Поволжья в годы первых пятилеток (на примере торфяной отрасли) // Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск «Актуальные проблемы истории, археологии, этнографии». 2006. С. 198.

¹⁰ ЦГА РМ, ф. 662, оп. 4, д. 190, л. 13, 46, 80, 109; д. 191, л. 45, 74, 105; д. 197, л. 74; д. 300, л. 20.

¹¹ Подсчитано по: ГА ПО, ф. 2069, оп. 1, д. 5, л. 258 об.; ф. 2394, оп. 1, д. 1615, л. 73; д. 1656, л. 24; д. 1660, л. 13; д. 1679, л. 52 об.; д. 1707, л. 71. Необходимо учесть, что в бухгалтерских годовых отчетах, откуда взяты все эти числа, указывалось среднесписочное число рабочих за год. Торфоразработки же, в силу сезонного характера работ, максимальное количество рабочих насчитывают в летний период, зимой же на них остаются всего несколько человек постоянных кадров. Средний показатель годового отчета не отражает в данном случае масштаба работ именно в момент добычи торфа с мая по сентябрь. Поэтому по отдельным косвенным данным (в частности, в отчетах сохранились упоминания, что в летние месяцы на участках Красно-Октябрьского РТУ было 1 166 рабочих (средний годовой показатель – 436); Облтопа – 310 рабочих, ИТР, служащих (средний показатель – 102)) можно предположить, что полученное при подсчете

общее количество 1 709 человек необходимо умножить на коэффициент 2.5–3 для получения реального количества людей, занятых на торфоразработках в разгар сезона.

¹² Можно привести данные по Пензенской обл. Бумажная фабрика «Маяк Революции» (Пенза) насчитывала около 1 тыс. рабочих, спичечная фабрика «Победа» (с. Верхний Ломов) – 900 рабочих и служащих, на большинстве из 30 заводов Пензенского спиртотреста имелось от 150 до 250 рабочих, на Дрожжевом заводе (Пенза) находилось около сотни работников (ГА ПО, ф. 510, оп. 1, д. 158, л. 113; ф. 1324, оп. 1, д. 600, л. 361–368; ф. 2394, оп. 1, д. 1095, л. 30; д. 1707, л. 68).

¹³ Подробнее см.: *Воейков Е.В.* Указ. соч. С. 199.

¹⁴ Главторф был образован по приказу Наркомата тяжелой промышленности от 31 августа 1933 г. В его составе были образованы Московско-Калининский, Орехово-Зуевский, Шатурский, Ленинградский, Ивановский, Ярославский, Чернораменский, Горьковский, Уральский, Западный тресты (РГАЭ, ф. 758, оп. 1, д. 710, л. 72; д. 802, л. 3).

¹⁵ *Корелин М.Н.* Указ. соч. С. 9–10.

¹⁶ Город Барыш – райцентр современной Ульяновской обл., в 139 км к юго-западу от областного центра.

¹⁷ Самарский областной государственный архив социально-политической истории (далее – СОГАСПИ), ф. 1141, оп. 36, д. 261, л. 2, 13; ЦГА СО, ф. 779, оп. 2, д. 351, л. 353–354; ф. 3859, оп. 2, д. 371, л. 196.

¹⁸ ЦГА СО, ф. 779, оп. 2, д. 351, л. 353; *Корелин М.Н.* Указ. соч. С. 10.

¹⁹ Подсчитано по: ЦГА СО, ф. 3869, оп. 2, д. 471, л. 13.

²⁰ Подсчитано по: ГА ПО, ф. 2394, оп. 1, д. 1563, л. 38, 40, 41; ЦГА РМ, ф. 662, оп. 4, д. 60, л. 91; д. 190, л. 24, 57, 120; д. 309, л. 13 об.

²¹ *Баусин А.Ф.* Торфяная промышленность в третьем пятилетии // За торфяную индустрию. 1939. № 4–5. С. 5.

²² ГА ПО, ф. 2394, оп. 1, д. 1233, л. 30 об.; д. 1679, л. 50–50 об.; ЦГА СО, ф. 779, оп. 2, д. 2221, л. 327. Ширингушская суконная фабрика им. Кутузова находилась в Зубово-Полянском районе Мордовии.

²³ Например, месячный продовольственный паек рабочего на участках Барышского районного торфяного управления включал 20 кг муки, 6 кг крупы, 3 кг мяса, 4 кг рыбы, 1.2 кг сахара // Коммунист (орган Барышского райкома ВКП(б)). 1934. 6 апреля.

²⁴ Подробнее см.: *Воейков Е.В.* Указ. соч. С. 199.

²⁵ Подсчитано по: ЦГА СО, ф. 674, оп. 1, д. 1192, л. 231; ф. 779, оп. 2, д. 2221, л. 84, 93, 97, 100, 121, 134, 210, 210 об., 236 об., 237, 315; ГА ПО, ф. 453, оп. 1, д. 3255, л. 170.

²⁶ ЦГА СО, ф. 3859, оп. 2, д. 471, л. 101–114, 178.

²⁷ Торфяное дело. 1933. № 8. С. 1; № 10. С. 1; 1934. № 5. С. 2.

²⁸ Пролетарский путь. (Ульяновск). 1934. 20 мая.

²⁹ ЦГА РМ, ф. 269 (п), оп. 2, д. 740, л. 7; ф. 1358 (п), оп. 1, д. 2, л. 83. Населенный пункт Пермиси расположен в Большеберезниковском районе современной Республики Мордовия.

³⁰ ГА ПО, ф. 453, оп. 1, д. 1091, л. 16; СОГАСПИ, ф. 9391, оп. 5, д. 7, л. 32; ЦГА СО, ф. 3859, оп. 2, д. 471, л. 105. Мелекес в 1972 г. переименован в Димитровград (райцентр в современной Ульяновской обл.).

³¹ ГА ПО, ф. 453, оп. 1, д. 3255, л. 171; ЦГА СО, ф. 674, оп. 1, д. 1192, л. 171–172; д. 1313, л. 78; ф. 779, оп. 2, д. 2221, л. 134; ЦГА РМ, ф. 185, оп. 1, д. 60, л. 93, 97, 100.

³² ЦГА СО, ф. 3859, оп. 2, д. 471, л. 5, 101 об., 104.

³³ Рабочая Пенза. 1935. 23 октября; СОГАСПИ, ф. 9391, оп. 6, д. 22, л. 95. Жадовка – населенный пункт в Барышском районе современной Ульяновской обл.

³⁴ Подробнее см.: *Воейков Е.В.* Указ. соч. С. 203.

³⁵ Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (далее – ГАНИ УО), ф. 26, оп. 1, д. 280, л. 14; СОГАСПИ, ф. 9391, оп. 6, д. 10, л. 145 об.

³⁶ СОГАСПИ, ф. 9391, оп. 6, д. 10, л. 145 об.–147 об.; д. 22, л. 97–97 об.; оп. 8, д. 23, л. 28.

³⁷ Там же, оп. 8, д. 23, л. 17, 87; ЦГА РМ, ф. 269 (п), оп. 2, д. 740, л. 7; Коммунист. 1935. 18 мая.

³⁸ За торфяную индустрию. 1936. № 7. С. 26; 1937. № 10–11. С. 22–23; 1938. № 7. С. 3–5.

³⁹ СОГАСПИ, ф. 9391, оп. 8, д. 23, л. 130.

⁴⁰ ГА ПО, ф. 2394, оп. 1, д. 1679, л. 52; СОГАСПИ, ф. 9391, оп. 6, д. 22, л. 128; ЦГА СО, ф. 3859, оп. 2, д. 471, л. 106.

⁴¹ СОГАСПИ, ф. 9391, оп. 6, д. 22, л. 71; оп. 7, д. 8, л. 16.

⁴² РГАЭ, ф. 758, оп. 1, д. 802, л. 4.

⁴³ ГА ПО, ф. 453, оп. 1, д. 689, л. 76; ЦГА СО, ф. 779, оп. 2, д. 248, л. 124; д. 351, л. 353.

⁴⁴ СОГАСПИ, ф. 1141, оп. 36, д. 261, л. 2.

⁴⁵ ГАНИ УО, ф. 13, оп. 1, д. 1139, л. 86.

⁴⁶ СОГАСПИ, ф. 9391, оп. 5, д. 7, л. 100; оп. 7, д. 9, л. 57 об.

⁴⁷ ГА ПО, ф. 510, оп. 1, д. 166, л. 18 об., 29 об., 39 об.; Пролетарский путь. (Пенза). 1933. 10 апреля.

⁴⁸ Торфяное дело. 1924. № 3. С. 1, 3.

⁴⁹ История социалистической экономики в СССР. Т. 5. С. 292; Т. 6. М., 1980. С. 76, 338; Энергетические ресурсы СССР. Топливо-энергетические ресурсы. С. 569.

⁵⁰ Вести (газета Правительства Кировской обл.). 2006. 7 июня.

© 2010 г. Н. В. ЧЕТВЕРТКОВ *

СОЗДАНИЕ ВОЛГО-КАМСКОГО ГИДРОЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КАСКАДА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ

Регион Волжского бассейна занимает одно из ведущих мест в экономике России, ежегодно производя четвертую часть промышленной и сельскохозяйственной продукции и поставляя пятую часть речной рыбной продукции¹. Основная часть его экономического потенциала была создана в процессе строительства социализма, чему во многом способствовало сооружение электростанций на Волге и ее притоке Каме. Различные аспекты этого процесса нашли отражение в научных исследованиях экономистов² и историков³, в очерках истории областных и республиканских организаций КПСС⁴, в монографиях и сборниках статей, посвященных анализу развития экономики Поволжья⁵, а также в публикациях участников строительства важнейших энергетических объектов данного региона⁶.

В данной статье предпринята попытка рассмотреть процесс разработки и осуществление плана создания Волго-Камского гидроэнергетического каскада, показать его влияние на промышленное и сельскохозяйственное развитие Поволжья и на окружающую среду.

С давних пор ученые и инженеры-практики задумывались над использованием гидроэнергетических ресурсов Волги, потенциальные возможности которой составляют 56 млрд кВт/ч, из них 43 млрд кВт/ч, или свыше 75%, могут быть использованы в экономике страны⁷.

Еще в марте 1918 г. Самарский совнархоз разработал план строительства гидроэлектростанции на Волге в районе Самарской Луки и р. Свияги около Симбирска. При разработке ленинского Плана ГОЭЛРО рассматривались и предложения Самарского совнархоза. Оценивая их, государственная комиссия пришла к выводу о том, что предложенные «два схематических плана использования Луки» с технической стороны считаются возможными, а «с точки зрения экономической целесообразности... не подлежат осуществлению». В связи с этим электрификацию Приволжского экономического района рекомендовалось вести исключительно путем постройки тепловых районных станций, работающих на природном газе, торфе и сланцах, а нехватку топлива в дальнейшем перекрывать за счет донецкого угля⁸.

Пятнадцатилетний план развития народного хозяйства (1925–1940) предусматривал только в Нижнем Поволжье строительство 60 новых промышленных предприятий, в том числе таких как Сталинградский тракторный завод, Саратовский завод удобрений и завод сложных молотилок⁹. Но соорудившиеся по плану ГОЭЛРО Царицын-

* Четвертков Николай Васильевич, кандидат исторических наук, профессор Пензенского государственного университета.